

Глобализация и место морали

Валерий Голофаст
Социологический институт РАН**Проблема¹**

Современный поток глобализации действует разрушительно на институты традиционного, индустриального и постиндустриального общества. Мы оставим в стороне ослабление национальных государств, утрату ими экономического и культурного суверенитета над собственной территорией и постоянным населением и обратимся только к негативным проявлениям принудительной индивидуализации жизни.² Она диктуется коммерциализацией общественных отношений, действий и обменов, господством промышленной или бюрократической занятости трудоспособного населения, формального образования и профессиональной переподготовки, всеобщим характером денежных транзакций и универсальным распространением систем слежения, учета и контроля даже над теми действиями, состояниями и качествами индивидов, которые не имеют коммерческого, технологического или политического значения (Голофаст, 2002). Индивид не властен над этими силами, некритически подчинен их потоковой нагрузке, уклониться от их влияния, на первый взгляд, он может только в приватном пространстве, в семье и в доме (квартире). Но и здесь его настигают щупальца индустрии развлечений, удовольствий или манипуляций – господствующие стимулы общества потребления.

Создается впечатление, что иного социального пространства, кроме организованного внешними силами потока глобализации, у человека не остается. Отправной точкой настоящей статьи является убеждение, что приоритетным местом воспроизводства человека как человека по-прежнему остается локальность. Локальность при этом понимается не просто как противоположный полюс глобальности. Локальность пронизана силами глобализации. Она давно потеряла свою натуральность и устойчивость, которую имела, например, традиционная деревенская общность – община: единство территории, социума, организации, культуры, технологии, языка, морали и природной среды. Размывание и разрушение общины (и многих ее институтов) произошло под давлением сил большого общества в периоды урбанизации и индустриализации. Ее возвращение как структурного образования в современной жизни невозможно.

А между тем многие функциональные особенности общинного существования столь интимно связаны с природой человека, что они возрождаются как феникс в условиях техно-информационной, искусственной, глобализованной современной (или, если хотите, вполне пост-современной) социальной среды.

Мораль как основа социальной локальности

Мораль – это фундаментальное свойство локального общежития, особенно, если локальное обжито, обустроено, опривычено, свое. Глобальный контекст – это совсем другое дело. Функциональность глобальных контекстов не оставляет места для морали, более того в них господствует скрытая или явная власть, техническая целесообразность, они чреватые амморализмом, полны рисков и угроз, наряду с

¹ Я благодарю моих коллег О.Б.Божкова, Е.П.Евдокимову, Н.Н.Цветаеву, чье внимание к этому тексту помогло его написанию. Поддержано РФФИ.

² Такая формулировка направлена против понимания индивидуализации как естественного и вполне положительного следствия функциональной дифференциации и против «внутреннего космополитизма», который, якобы, является его логическим следствием (Бек, 2003). Вынесение вопросов о власти, привилегиях, эксплуатации и манипуляции к глобальному полюсу концептуальной схемы ошибочно. Этот ход мысли также оставляет неопределенным вопрос о природе безразличия, моральном напряжении, распределении ответственности и, в конце концов, вопрос о солидарности.

искушениями и соблазнами. Несмотря на то, что эти чувства моральны, они остаются внутренними переживаниями человека, поскольку глобальный контекст подчинен только функциональным требованиям. Мораль как бы вычищается из глобальных контекстов, от нее остается едва ощутимая пленка внешних приличий, столь же неопределенная как внешний вид, признаки личной культуры или даже психологического состояния партнеров анонимных интеракций (тем более, технически поддерживаемых коммуникаций).

Коммерческая и административная природа глобальных контекстов ставят человеку более или менее ясные пределы в соответствии с его статусом в границах функционального профиля взаимодействия («клиент всегда прав», но – до очевидных пределов; полицейский может пройти всюду, но – в пределах ясного всем класса ситуаций; купить можно все, - кроме того, что не продается никогда и т.п.).

Свобода поведения индивида в локальном контексте опирается на традиции и сложившийся групповой обиход. Традиции рассматриваются как общее наследие локальности, как бы они не были размыты, они сохраняют роль надежных для реакции других (предсказуемости) ориентиров, они дают готовые линии действия и взаимодействия, а поддерживающие традиционные формы ритуалы всегда позволяют подготовить групповой контекст или спасти его от случайного сбоя или неудачи. Традиции расставляют многое по местам.

Групповой обиход партикулярен, он учитывает привычки и способности каждого, но и дает простор индивидуальной импровизации, выдумке, юмору или игре. Интеграция локальности это коллективный групповой процесс, который никогда не заканчивается, но и никогда не осуществляется на пустом месте. Свобода эмоционального самовыражения связана не только с фазами группового процесса (регулируется ритуалом), но и с личной компетентностью относительно локального контекста, генерализованным статусом в сообществе (престиж, репутация) или взятой на себя инициативой.

Локальный контекст поддерживает спонтанные формы коллективности и игры благодаря сложившимся и признанным, законным культурным ресурсам локальности, причем это верно не только для гладких, гармоничных форм взаимодействия, но и для конфликтных, кризисных форм или для оборонительных действий в непредсказуемом или чуждом окружении локальности. Любое вмешательство постороннего порождает ответные шаги, коллективное действие, оно стратегически выверено, запускается без колебаний, гарантирует по крайней мере проверку и поддержку солидарности в локальном сообществе. Возбуждается коллективный ансамбль чувств и мобилизаций – от осторожного внимания, до поощрения или всего спектра допустимых агрессивных форм, включая демонстративное безразличие, бойкот и другие формы исключения.

Локальный контекст держится на сложившихся формах организации и на постоянно возникающей, возобновляемой обиходом или действительно новой самоорганизации, у которой практически нет границ, кроме морали. Локальность – это пространство устойчивой солидарности, взаимного понимания и гарантированного удовлетворения как личных, так и коллективных интересов, потребностей или стремлений. Это не значит, что локальность не знает одиночества, заброшенности и пустоты. Одиночество может быть вынужденным, или к нему можно стремиться, но обычно, если человек затерялся в локальности, она всегда здесь и сейчас, чтобы прийти ему на помощь или во спасение.

Психопатическое состояние воображаемой жизни не может длиться бесконечно, поскольку материальные требования и условия жизни подстерегают человека на каждом шагу, от них не уйти и не отвлечься на слишком длительное время. Донкихотство – просто одна из выдающихся и сравнительно нейтральных форм порождения и преодоления иллюзий. Другие формы – мифологии, бытовые

магии и новые групповые формы упрощенных религий, оздоровительных, кулинарных или спортивных увлечений, разные виды хобби, коллекционирования или самодеятельности, - все это разнообразие внешних или внутренних проявлений держатся на групповой поддержке или открыто внешнем влиянии (коммерческих предложениях, пропаганде или общественной инициативе). Но чаще всего они просто опираются на фонд традиций, межпоколенных образцов и прецедентов. Обычно они не имеют значения в контексте большого общества, а связаны с психологическими или терапевтическими потребностями своих локальных членов. Кроме того, они невозможны, как длящиеся или повторяющиеся события, без соответствующей, пусть даже и очень скромной локальной материальной базы.

Материальное и виртуальное

Но, разумеется, материальные требования и условия жизни образуют только низший слой существования в локальности. Выше или внутри них – пространство культуры и воображения, памяти и проекта, проблем и стремлений, целей и ценностей; эти пространства структурированы несчетным количеством виртуальных миров, в которые вовлечены в той или иной мере, - взаимно или отдельно, коллективно или в частном диалоге, в реальном времени или символически, условно, трагически серьезно или в игровой форме - каждый из участников локальной жизни.

Виртуальные миры – это и есть основное содержание человеческой жизни. Прежде, в XIX веке и ранее, считали, что это пространство сознания или духа, которое ошибочно трактовали замкнутым в индивиде или открытым только богу. Между тем, виртуальность, как показывают последние исследования в философии, культурологии и в социологии, это и есть то свойство реальности, которое *стоит между* или *связывает* в более или менее интегрированное целое (материальную) онтологию и (материальную же в основе, но все еще загадочную и представляющуюся более сложной) деятельность человека, благодаря чему он и становится историческим, социальным и неисчерпаемым в потенции существом. (См., например, Бузский, 2002, глава 3 и др. с обзором философской литературы о виртуальности).

Сегодня приходится заново переосмыслить и пересматривать основные категории человеческого или социального мира: сознание и знание, информация и виртуальность, реальность и культура, поведение и деятельность, исполнение и игра.

Информация - это содержание без формы. Оформление любого содержания означает его воплощение в нечто материальное при опоре на только идеально понимаемое, коллективно разделяемое. Идеальное подвижно (обладает энергетическим импульсом) только при живом носителе, в голове. Идеальное может вызвать активность. Так форма трансформируется. Идеальное односторонне - прочесть, вложить, перестроить, но не передать другому вне формы. Предъявить, показать другому, выразить можно только в форме, намеренно или попутно. Другой может догадаться, только овладев формой. Ага! Можно ввести хоть логику, если хочется. Но чтобы прочесть или написать - нужно усилие. Переход от виртуального к реальному, к бытию. Или от бытия (оформленного) к виртуальному, к тому, что пребывает в идеальном виде, подразумевается идеальным. Переход и туда, и обратно требует усилия, активности, действия, энергетики.

Разумеется, это простейшее и грубое построение. Скорее всего, в нем есть лакуны и несогласованности. Очень не ясен статус идеального, упрощенно и грубо понимается информация³, но привлекает замена термина *сознание* внешними категориями. Культура как *внешнее*. Поскольку понимание культуры как *внутреннего*

³ См. попытку различения информации и знания в спецномере Международного журнала социальных наук в статьях Пола.А.Дэвида, Доминика Форе и У.Эдварда Стейнмюллера (МЖСН, 2002).

слишком частично, мистично, хотя и энергетически нагружено или связано. Кроме того, в этой схеме есть стремление разделить потенциальное и осуществившееся, более или менее известное и более или менее новое, проявившееся.

Несовершенством, неполнотой, неопределенностью материального можно пренебречь, приписывая противоположные качества виртуальному, просто как временное или потенциальное состояние. Корректировка, восстановление, дополнение происходят в мире фантазии, воображения, условных правил игры, законов логики, эстетических принципов или канонов, идеальных образцов или ориентиров. Если колонна надбита, она легко воспринимается как целая и совершенная в своем подразумеваемом замысле, материальное несовершенство не затрагивает принятых канонов красоты. Личная неловкость остается незамеченной и не разрушает строй гармоничных отношений, если только неловкость не становится намеренной, повторяемой, вызовом традиционному порядку, угрозой другим. Итак, восприятие совершенства или несовершенства, неловкости или вызова может зависеть от контекста, интенциональности, конкретного дискурса.

Воспроизводство обихода, локальности требуют усилий от всех участников, неспособных страхуют другие, взаимопомощь и координация усилий выступают просто естественным моральным долгом, никто не рассматривает потраченные усилия на весах расчета, выгоды или прибыли. Запрет на формализацию отношений и действий отсылает к очевидной и понятной всем моральной глубине взаимодействий. Мораль может эффективно действовать только при более или менее ясной ретроспективе прошлого и взаимной перспективе будущего, то есть в лоне, хотя бы и рыхлой, но традиции. Традицию можно пытаться «переписывать» неоднократно, но ею нельзя пренебречь вообще. Делаящий вид, что никаких традиций нет, немедленно оказывается в категории исключенных, со всеми неизбежными последствиями для него и для самоорганизующегося в ответ на это поведение группового процесса (Eliás, Scotson, 1965). Действующий всегда находится в зоне риска и игры, но, с другой стороны, он всегда ощущает фон обихода и традиций, коллективных ориентиров, признаков и правил.

Мы-они, идеология и мораль

Всякая идеология редактирует мораль в интересах *мы* и *они* (О.Б.Божков). Редактирует, значит, отбирает из морального поля традиции угодные элементы и интерпретирует отобранные принципы к ситуативным требованиям сегментарных интересов. Интересно задаться вопросом, какой вид принимает мораль в глобальных контекстах. Фактически ошибочно проецировать свои моральные убеждения и ожидания на другого в условиях отчуждения или неопределенности межкультурных контактов.

Структура мы-они несимметрична как с точки зрения баланса добра и зла, так и с точки зрения условной универсализации требований и запретов, селективности восприятия и глубины интерпретации. Традиционная мораль была рассчитана только на круг ближних. Дальние, если они не помещались в категории врага, дикого зверя, неподконтрольной силы, взвешивались на весах расчета, дипломатических уловок, ситуативного вмешательства или случайного квазиприродного события (гораздо чаще, просто бедствия). Дальние не входили в малые формы социальности. В массовом обществе дальние были размещены в дистанцированной зоне безопасности, бесконтактности, анонимности и слепоты. Дальние были важны только ситуативно, а не структурно. Психологически они отодвигались в категорию «они». Забота о них делегировалась специализированным агентам в социуме.

Под прессом сил глобализации усиливается тенденция к атомизации любого общества, хорошо известная по своему действию в городской или промышленно организованной среде (Георг Зиммель; Wirth, 1938). Нормы толерантности,

безразличия, равнодушия или бездушия расширяют свое пространство. Технические посредники укрепляют и стимулируют ее проявления. Но наряду с этим обогащаются и силы «локальности». Кавычки здесь призваны обратить внимание на новые, внепространственные, формы общественных связей и проявлений солидарности (в том числе, с дальними). Фермент морали хотя и подавляется, но он всегда здесь и сейчас как универсальный ресурс человечности, как внутреннее качество всех участников «броуновского движения».

По контрасту с внепространственными формами лояльности, нравов и правил, действительная локальность во всей ее материальной конкретности, обжитости, взаимности, удобств и услуг поддерживает обиход мы-сообществ как физических индивидов и как участников групповой жизни, практически независимо от технических инфраструктур социальности (условий комфорта и внешней функциональности). Локальность обладает преимуществами личных контактов, прямого общения, восприятия зрением и слухом, осязанием и обонянием, преодоления препятствий мускульным усилием, прямым обеспечением забот о физическом состоянии и нуждах. И все же не только «материальная» часть локальности занимает нас здесь, а ее социальная природа, вбирающая силы глобальности, но порождающая новые формы адаптации, живучести, полноты и богатства жизни. Разумеется, такая «диалектика» имеет только потенциальный характер, она проявляет себя со временем, тогда, когда опустошающее воздействие сил глобализации становится невыносимым, хроническим, а то и деструктивным.

Проще всего это обнаруживается при сравнении статусных групп включенных и исключенных. Мобильность, свободу от ограничений в пространстве и времени, жизнь в довольстве и комфорте, но в изоляции от всех исключенных, описывают все наблюдатели глобализованных элит (Бауман, Бек и др.), обращая внимание прежде всего на избыток у них ресурсов и на социальную цену поддержания такого благосостояния. Встречное движение упорядочения локальности пока формируется как проект, как идеология избежания стандартизации, унификации, обезличенности, инсценировки для посторонних (туристов, клиентов, потока прохожих или случайных свидетелей).

Что происходит с социальными институтами локальности?

По сути нужно рассмотреть, как реагируют на новые требования перестройки локальности все старые формы организации жизни – от частной квартиры, кафе, учебной аудитории или детского сада, до торговых, промышленных и т.п. пространств, или, с другой стороны и в другом повороте, - что означают такие формы жизни, как культурные движения, тусовки, виртуальные общины, случайные объединения (попутчики, временные соседи, случайные знакомства и т.д.). Третий способ рассмотрения таких модификаций – это переформулирование проблем так называемого «кризиса» брака, родительства, вообще семейно-родственных связей, а также новый взгляд на старую проблему соседства, дома, двора, микрорайона, улицы и прочих городских или сельских пространств. Когда их запустение и деградация связывались с неэффективностью старых институтов власти, иерархии, распределения фиксированных обязанностей и т.п., или с классовым небрежением, такие формулировки еще «проходили». Теперь, когда на них нужно взглянуть под углом зрения рыночных сил и импульсов к самоорганизации (демократии снизу), принудительной индивидуализации или общества услуг, коммуникаций и расчетливого использования знаний и новых технологий, возможна новая перспектива.

Релятивизация социальных институтов (которая часто, и вполне резонно, толкуется как их растворение, разжижение, разрушение, подрыв или крах) порождает в силу потребностей и нужд, возможностей и технологий другие структурные формы,

с аналогичными, но и другими функциями и последствиями. При этом не обязательно держаться быта. Ведь локальность универсальна, она всюду, где человек обживает мир космических и социальных сил. Те же процессы идут в политическом пространстве или в образовании, не говоря о туризме, отдыхе и развлечениях, где не нужно проталкивать реформы или стараться комментировать ситуацию – маркетинг и коммерция делают это с успехом сами, эволюционируя под давлением экономических императивов эффективности и конкуренции и перестраивая на ходу свою культурную типичность и стилистику.

Из письма Е.Е.

Про виртуальность я в результате понимаю все меньше. У меня складывается впечатление, что при таком ее понимании, вся мораль туда попадает, и уже оттуда "связывает" реальность с реальной же деятельностью. Может, так оно и есть, но уж как-то очень неожиданно... И потом локальность становится какой-то уж очень благодатной, насквозь моральной. Т.е. из поля зрения совершенно выпадают аморальные локусы (к примеру, бордели, или та же панель), или внеморальные (конвейер, тюрьма и т.д. - где также деятельность находится под чисто функциональным руководством, но которые от этого не становятся глобальными - они четко локализованы в пространстве, имеют вещные и символические границы).

Другое дело, что к глобальному пространству моральные нормы, по-видимому, вообще не применимы, в отличие от локального. И, наконец, по-моему, все-таки здесь слишком сужается масштаб группы, охваченной моральными нормами. Все-таки отношения между совсем близкими - родителями и детьми, влюбленными, друзьями - основываются скорее на непосредственных чувствах привязанности, симпатии и т.д., а не моральных нормах. Моральное регулирование начинается там, где поведение не должно зависеть от того, симпатичен ли мне партнер - хотя это может быть и семья... Но фокус в том, что в более крупных группах моральные требования могут отличаться в зависимости от роли, выполняемой в группе: учитель/ученик, лидер/рядовой член, мужчина/женщина и т.д. Так что релятивизм моральных норм не всегда соотносится с отношением "мы/они", или же с различием культур (хотя при восприятии других культур различия морали особенно очевидны). Вот пока все соображения, забредшие в голову при чтении.
Л.

Из письма В.Г.

Вот-вот, этого мне больше всего и хотелось. И чем острее и спокойнее (внеэмоциональнее) - тем лучше. И потом еще - другие слова. Когда строишь что-нибудь концептуально-зависимое, ты связан порядком некоторых слов. И страшно отойти хотя бы от части из них - ведь можно просто потерять дорожку и свалиться в яму. А слова других дают новые ориентиры.

Про симпатию и роли я уже давно думаю, но пока не готов сразу реагировать. Когда-то я начал свою карьеру со статьи о "ролевом анализе". А недавно один мой читатель напомнил мне про Эрика Берна. Мне он не нравится (формализм и фрейдизм), но, в самом деле, он не ортодокс среди западных писателей. С малыми группами и их аморальностью я проблем не вижу. А вот то, что мораль вовне (а не в душе только), так это так и должно быть, по происхождению: моральные ориентиры, поступки других, идеальные фигуры, требования к тебе. Насчет совести и пр. нужно подумать, как это поворачивается. Мораль матери и мораль дочери - я вспоминаю о моральной незрелости, а дальше проблемы баланса - эгоизма, приоритета, долга - и все в пределах ролевого расклада.

Мне еще дорог обиход - как групповой аналог хабитуса, как взаимно опривыченный порядок действий, которые встраиваются в более широкую и интерсубъективную традицию, которая не формализована жестко и значит, является открытой пьесой или игрой с необозначенными исходами для большинства участников, может быть, кроме наиболее статусно защищенных.

Но вообще-то вся локальность (в моем построении) - это некий аналог общины. Она полуанонимна. Если нет, то это (вероятно) аналог малой группы, где многое уже предопределено прошлым опытом отношений конкретных лиц. И тут (в малых группах), действительно, эмоциональная платформа и ситуативные обязательства могут быть основой. Их не забыть и не перейти на более нейтральный, холодный язык морали. Функциональные же требования - сами по себе - определены извне, более широким контекстом, технологией, формальной организацией или властью. Их можно более или менее игнорировать и перейти на эмоционально-моральную платформу. Но они немедленно встают в случае кризиса, трудности, смены лиц, или вмешательства власти и пр. Всякая формализация влечет расчет, безотчетное или расчетливое подчинение, взвешивание власти. Про мораль же говорят, что это чувство (эмпатия, спонтанность), мера и компетентность (зрелость), репутация (то есть взаимность опыта, верность традиции), интуиция (догадка о скрытом прошлом и уверенность в будущем) и совесть (долг, справедливость, неэгоизм, нешкурничество, необман). Невинные уловки - в порядке вещей, они часть игры в неопределенность, в риск. Но до определенной границы. Про границы ты вспомнила во время тоже. Вот видишь, сколько новых слов.

С виртуальностью много трудностей, но с традиционными категориями еще больше, по крайней мере, так мне сейчас кажется. Это просто новое описание символического мира, поскольку старые описания признаны неприемлемыми. А с виртуальностью появляются перспективы соединения с материальностью, с процессами рождения, порождения сложного из простого, с обнаружением нового, эмерджентности, проясняется и проблема непонимания друг друга, неопределенность, риск и пр.

Прежде всего под вопрос ставится сама по себе проблема природы разума (рациональности). Если эта способность начинает пониматься в свете культуры, придется пересмотреть многие традиционные убеждения. Один из примеров – рефлексия. Часто подразумевается, что рефлексия – природное свойство индивида. Другое предположение: рефлексия – результат научения, эта способность – культурное достижение, результат долгой тренировки и самоконтроля, институциональное качество. Во многих занятиях специально нейтрализуют или подавляют рефлексию. В бихевиоризме вообще думали, что все объяснимо по типу «стимул-реакция», реактивно, без всякой рефлексии и задержки. Рефлексия не линейна, она не заключена целиком в капсулу заранее сформулированных норм, правил и канонов. Она различна по своему строению для строго понятийного, дисциплинированного мышления, арифметической или коммерческой калькуляции и, например, морального или художественно-образного дискурса. Рефлексия только под давлением авторитарных примеров может временно идти по наезженному руслу. Рефлексия свободна, она напоминает полет в невесомости или прыжки дикаря по жертвенной площадке в магическом трансе, где ритм и фигуры, тонус и мелодию задают, казалось, только коллективные рамки пляски. Но ведь шаман танцует в одиночку.

Можно вывести еще много разных следствий из такого понимания функций разума. Например, какова природа воображения, фантазии, мечты, но прежде всего – какова природа памяти. Раз память конструктивна и социальна, раз она формируется под воздействием и внешних, и внутренних давлений, раз она связана с

эмоциональными взрывами или, напротив, с периодами уравновешенного прочувствованного созерцания (а наряду с этим, – с кризисами и рутинной), появляется перспектива ее экспериментального изучения, вместо априорных убеждений и произвольных догадок, построенных просто на аналогиях с другими механическими или психическими моделями. Конечно, и это только догадка, формулируемая просто на иной основе. Рефлексия не является безупречной, она ведет к разным результатам (а раньше думали, что все предопределено – логикой, структурой, нормами...). То есть идеальные модели переводили сразу в плоскость реально, оперативно действующих. Отсюда разумное воспитание такое жесткое, авторитарное, как и обучение. Отсюда же бесконечный догматизм в науке или стереотипность, шаблонность обычных текстов (повседневного обмена репликами, ритуальных участков речи, предсказуемости «докладов» и пр.). Впрочем, это уже о другом. В.

Как далеко простирается сфера морали?

Как уже упоминалось, мораль возникла как основной институт жизнеобеспечения социального круга ближних. С кристаллизацией идеологических систем, как средств регулирования большого общества (политики, власти, войны и мира), космологическая часть жизненного мира (отношение к природе, к рождению и смерти и т.п.) выделилась в особый раздел и отделилась от морали. Религиозные доктрины, особенно когда они консолидировались в монотеизмы, стремились увязать составные части жизненного мира в тотальность. Но все же эволюция морали, космологических доктрин и идеологий уже шли своими путями.

Сегментарная, сословная и классовая мораль – вот, вероятно, основные этапы такого изменения вплоть до индустриального общества. На рубеже XIX-XX веков Дюркгейм был поражен атмосферой аномии, упрощенностью, приблизительностью и рыхлостью моральных требований, которым могли следовать члены разных групп общества. Экономический эгоизм либеральных систем разрушал моральные устои индивидуальной и групповой жизни. Дюркгейм стремился найти выход в моральном строительстве профессиональных групп, которые, он считал, со временем могут оформиться в корпорации. Он обращал внимание на классовые антагонизмы внутри корпоративных систем (предприниматели и наемные работники явно придерживались разных норм поведения), но надеялся, что со временем корпоративная солидарность станет сильнее тенденций к разобщенности между людьми. (Дюркгейм, 1991). (Другие современники Э.Дюркгейма в ответе на вопрос о солидарности делали ставку на религию, право или идеологию.)

Время показало, что нормативные системы различных, особенно «высоких» профессий, действительно стремились приобрести форму особых этических кодексов (журналисты, адвокаты, медики, ученые, бизнесмены, банкиры...). Но список таких усилий не очень велик. А кроме того, этические системы профессионалов – это еще не мораль, как она традиционно существует в человеческом обществе.

Есть еще одна трудность. Этические системы профессионалов неизбежно двухчастны: отношения внутри профессиональных сообществ регулируются иначе, чем с окружающим обществом (включая клиентов, если они явно определены). Иначе говоря, такие этосы не выходят за пределы традиционной формулы мы-они. Это означает, что они являются не столько формой морали, сколько частными, прагматическими идеологиями, ориентирами специализированных действий и особых отношений.

Довольно давно идут разговоры об общечеловеческой морали или о ее транскультурной ядерной части. В глобализованном мире межкультурные контакты становятся неизбежными, повседневными (Голофаст, 2003; Бенхабиб, 2003). Насколько мораль культурно специфична, насколько она универсальна, можно ли ее

уподобить частным или общим регулятивным системам? Этот вопрос до сих пор открыт. (Макинтайр, 2000; Adler, 1991).

Одно несомненно, мораль необходима сообществу, всякому сообществу, в том месте, где происходят все основные его жизненные проявления и отправления, а именно в локальности. И здесь она не может быть обособленной системой, она действует для всех. Итак, мы снова возвращаемся к противопоставлению глобальных и локальных контекстов социальной жизни.

Мораль и право

Необходимо подчеркнуть, впрочем, что только в европейском контексте современного мира (и всюду, где он стал определяющим в последние два века) мораль отделена от права, а право основывается на морали в той или иной мере (Голофаст, 2002). Но есть территории и сообщества, где это различие не признается, по крайней мере, в доктрине. Таковы многие течения мусульманства, где ткань морали, права, религии и «светских», прикладных идеологий ткется одними и теми же нитями на одной и той же основе. Это тем более удивительно и странно, что в этих сообществах признаются и используются достижения техники, науки и, де факто, требования международного права – наиболее очевидных универсалистских сил. Хотя это происходит нередко только во взаимоотношениях с внешним миром. Или исключения делаются только для статусно выделенных, состоятельных групп в сообществе.

Стремление к праву означает поиск справедливости (justice, justicia). Право ограничивает применение частной или коллективной силы особыми инстанциями и ситуациями или прецедентами. Но современное право стоит не столько на службе законопослушного гражданина или группы, сколько оказывается инструментом утверждения власти. Десятки тысяч законов для сотен институтов и учреждений воплощают правила работы функциональных лиц и подразделений, чиновников и органов. Для гражданина эта масса правил необозрима и не понятна без профессиональной помощи. И в повседневной жизни не видима и, кажется, излишня. Достаточно того, чтобы окружающая жизнь не выпадала из нормы.

С развертыванием процессов глобализации современный мир во все большей мере включает конкуренцию во все свои подсистемы, даже в те из них, которые явно не приспособлены к такому контексту. Конкуренция конфликтна, она порождает кризисы и неуспех. Рыночная конкуренция рассматривается либеральными доктринами как основной механизм позитивного и негативного отбора продуктов производства, способов, новаций, да и самих людей. Между тем, фундаментальная основа общественной жизни, ее групповая природа кооперативна, по определению. Только в кооперации, взаимности, диалоге возможно поддержание культуры, социальных институтов, выбор будущего, только сотрудничество и солидарность делают возможным процесс общественного воспроизводства. И причина заключена в том, что многие социально-культурные явления не осознаются современниками, не находятся в фокусе их непосредственных стремлений и желаний, хотя и продолжают составлять фундамент социальности. Эту проблему можно рассмотреть с разных сторон, с использованием совершенно несхожих и, по видимости, не связанных между собой концептуальных средств. Один из таких подходов – это прояснение понимания самого социального действия.

Мораль и культура

Толкаемый своими нуждами и желаниями, индивид стремится к осуществлению своих целей, опираясь на известные ему средства. Он обычно старается уменьшить ущерб для себя и не нанести явного ущерба другим (особые формы действия – конфликта, боя или паники - мы пока оставим в стороне). Желание,

цель и средства ему более или менее ясны. Это зона освещенности, сознания, прозрачности внешнего и внутреннего мира для индивидуального восприятия. Любой потенциальный ущерб уже находится в серой зоне неопределенности, предвидения, риска, то есть зависит от опыта, компетентности, понимания (еще не рефлексии, не при-остановки действия, не дистанцирования от него, рас-смотрения и не анализа-синтеза). Но вне зоны света и полутени находится весь необъятный окружающий мир, космический и социальный, который продолжает жить вне явной связи с действием индивида. Между тем, индивид – это его часть, во времени и в пространстве, в реальной или виртуальной обусловленности, взаимном причинении, в контексте бесчисленных, затухающих или растущих след-ствий. Эти связи для индивида в момент действия абстрагированы, размещены в черной зоне бесстрастности, равнодушия, незнания, небрежения. Координируются разные зоны индивидуального действия моралью и, вообще, культурой. А культура изменяется, существует и воспроизводится на социальной основе, принимая индивида во внимание согласно его статусу и только в долгосрочном измерении. Мораль же предъявлена индивиду ежесекундно и повсеместно. Достаточно вспомнить, что Фрейд помещал мораль (супер-эго) внутрь душевной жизни индивида, так что лишенный этого «органа» обращался в пациента или инвалида.

Итак, по крайней мере, в масштабе малого сообщества жизнь индивидов основывается на морали, обволакивает их как кокон в прямых отношениях с другими людьми. Присутствуют ли они реально, мысленно или виртуально – не это суть важно. Выбор основы отношений всегда взаимен, социален, групповая природа связей либо признается, либо отрицается. Последнее является стандартной основой сугубо функциональных отношений, независимо от того, являются ли они встречей лицом к лицу или взаимодействиями через других социальных, технических или виртуальных посредников. Преимущественная сфера действия личных отношений до сих пор – локальность, даже если сами отношения и имеют поверхностный характер контактов между малознакомыми или совсем незнакомыми людьми. На участниках лежит груз и обязанность с первых шагов определить общую платформу контактов, адресовать ее к известной традиции, показать готовность ее признавать и ей следовать даже в случае недоразумения или конфликта. Функционально-ролевые отношения могут дополнять личные, давать им культурно сформированный вид, устанавливать перспективу развития (раскрытия, углубления). Обратное же верно далеко не всегда. Большая часть функциональных отношений проходит для людей бесследно, пополняя только копилку их инструментального опыта.

Иногда разделяют инструментальную и экспрессивную культуру. Первая легко распространяется в любых контекстах, успешно копируется и приспосабливается к новым условиям. Экспрессивная культура чаще скрыта, она – ансамбль переживаний, реакций и встречных оценок, она придает ориентацию и допустимый диапазон любым инструментальным навыкам, образует основу привычного поведения. Экспрессивная культура более консервативна, поскольку является итогом долгого научения, приспособления и разностороннего опыта взаимности, внутренней стороной обихода. Инструментальная культура формирует условия комфорта, структуру быта, обеспечивает действие материально. Экспрессивная культура отражает независимость и свободу, ритуальность и приличия, нравы своих носителей. Направленная на социальный и виртуальный мир, она составляет внутреннее богатство, в противопоставлении нормальности или богатству среды. Глобализация усиливает неравенства как в отношении инструментальной культуры, которая теперь преодолевает любые границы, так и в отношении культуры экспрессивной, мобилизуя ее защитные или агрессивные резервы. Инструментальная культура стремится к унификации, универсализму, дислокальности. Экспрессивная сохраняет тенденцию оставаться групповой, укорененной в локальности.

Закрытость-открытость локальности

Всякая локальность воспроизводится по типу центр-периферия, как это обычно для всех социальных образований. Но локальность лишена заведомой иерархии, во всяком случае, иерархические отношения в локальности партикулярны, непрочны и могут легко отменяться. Отсюда локальность относительно открыта, но всегда может замкнуться в себе, если к тому возникают показания. Вступить в локальные связи может любой, но не всякий может остаться, освоить ее возможности, приобрести перспективу. Включение в локальность – это предмет взаимной игры, правильно выбранных и исполненных церемоний, во время подхваченных реплик, отзывчивости и уважения. Приличия – фундамент морали, даже если они оставляют широкий простор для стилистических или индивидуальных вариаций. Потому что приличия – это не просто демонстрация, не сюита для одного инструмента, но пьеса для маленького ансамбля. Правильность игры удостоверяется коллективными реакциями, опирается на традицию, уместность, оценивается на адекватность.

Всякое движение в локальности есть воплощение интеграции или выпадение из такого процесса. В этом же ключе следует понимать, на мой взгляд, внутренние конфликты или даже устойчивые оппозиции в повседневных взаимодействиях. Стандартный моральный механизм их нейтрализации – это закрытие части отношений, уклонение, уход или умолчание. Чувствительность к таким «зависаниям» взаимодействий возникает только при взаимности опыта, придающего уверенность, понимание другого. Всякий чужой, посторонний, в той или иной мере исключенный сталкивается с дилеммой двух стратегий: опираться на свой опыт, который может быть странным и, возможно, не будет принят; или стараться войти в сложившийся обиход данной среды, рискуя и сталкиваясь с неопределенностью на каждом шагу. На практике обе стратегии смешиваются, и критерием являются простейшие формулы морали для всех сторон взаимодействия (не убий, не укради, не лги во имя корысти и т.п.).

Если вышесказанное правдоподобно, следует поразмышлять, почему функциональные отношения «истончаются», теряют надежность, прочность, утрачивают контекст времени (прошлое и будущее падают в пропасть игнорирования, безразличия). Объяснение состоит в природе функциональных связей. Дело не только и не столько в их узкой специализации, принципиальной фрагментированности взаимодействий, дело даже не в их формально выстроенной природе, обусловленной ансамблями разделения труда. Как показал весь опыт анализа функциональных отношений от Паскаля и Маркса, Дюркгейма и Зиммеля до наших дней, основные, влияющие на человека, свойства функциональных отношений формируются универсальными посредниками, – каковы суть деньги, иерархическая власть, административно-правовая регламентация или технические возможности и ограничения информации. В общественном процессе суть вещи (или человека) редуцируется к обменной стоимости.

Вы стоите перед витриной. Сколько стоит этот красивый флакончик? (Потребитель ищет подарок. В его душе образ близкого человека и обязательства перед ним, вся гамма чувств и весь опыт прошлого и будущего отношений между ними.) Но он получает стандартный ответ, платит деньги и отходит от витрины. Функциональный акт произошел. Обычным, рутинным путем, без всяких осложнений для продавца и покупателя (ближайших агентов функциональной организации). Почти без последствий для обоих. Можно считать это чудом современной организации жизни. Но когда все или растущее большинство социальных связей индивида приобретают такой облик, это становится трагедией. Функциональные обязательства (и моральные обязанности в них) конечны, ограничены, специальные и обезличены. Когда сталкиваешься с их потоком в аудитории, в магазине, в интернете,

на почте или в банке, но также в политике, в больнице, в жилконторе, в детском саду или в семье, начинаешь слышать скрежет колес мегамшины повсюду. Индивид превращается в маленького Чаплина, попавшего между колес бытия. Где человеческое участие, отзывчивость и понимание? Где теплота социальности, глубина чувств и долга? Мораль мертва?

Локальность кажется эфемерной, она диффузна. Важнейшая основа локальности – материальность и освоенность, привычность и потенциальная глубина. Локальность построена на генерализованном обмене, при котором взаимность неопределенна, исключает прямой расчет, но поддерживает обоюдные моральные чувства, приличия и церемонии. Функциональные обязательства конечны и фиксированы. Локальность – это пространство приблизительного и совершенно конкретного, одновременно сиюминутного и потенциального, незначительного и самого важного, неопределенного и «верняка». Локальность подкрепляет ожидания, укрепляет традицию, поскольку ее структура – коллективный обиход, совместный фонд привычек и продолжающийся игровой процесс.

Отчуждение-освоение

Функциональная дифференциация (сектора общественной жизни, формальные роли и иерархии) и социально-экономические неравенства разобщают людей в любой общественной среде. Взаимодействующие как носители функций и рангов люди отчуждаются друг от друга, становятся чужими (А.Хан, 2002). Эти отношения проникают даже в супружеские или родительские отношения – в самые интимные традиционные институциональные связи. Сколь бы мощным не был этот процесс, ему противостоит стремление к освоению – материального, социального и символического, виртуального мира, который начинается с детской социализации, продолжается в школе или при телесмотрении, в чтении, в личных фантазиях или в ежедневных перемещениях дом-работа, магазин-кухня, библиотека-улица, газета-интернет.

Освоение противостоит присвоению, овладению, захвату, - с помощью насилия, власти, денег, эксклюзивной информации. Освоение предполагает добровольность, уступчивость и даже заинтересованность другого. Освоение взаимно, многоступенчато, оно встроено во временную перспективу. Его можно сравнить со сближением, мерой близости, открытости, безопасности и гарантий. Освоение – не просто познание, владение навыками, правами и церемониями, это не хабитус. Освоение это выявление взаимности опыта, открытие горизонтов культуры, может быть, давно уже познанной, видимой, слышанной или пережитой. Или открывающейся как глубина, загадка, сомнение, или предвосхищение. Освоение – это координированное, совместное шествие (путь-шествие) в материальном (космическом) и виртуальном (культурном, межкультурном) мире друг друга. Освоение – это шаги в диалоге. Познание, опыт – только побочные результаты и средства, но не цели и не мотивы такого движения.

Тем более это не самоутверждение, не самореализация, не презентация себя. Такие акты односторонни, они возможны при привилегиях, при дистанциях. Достоинство предполагает признание, иначе оно только поза, только аллюр, которые всегда могут быть подвергнуты осмеянию, безразличию или даже презрению. В диалоге самость отступает на второй план, становится необязательным условием. В той мере, в какой она известна, признана, разгадана, раскрыта, она становится одним из условий успешного диалога. Другие условия – это императивы взаимной коммуникации, это мораль, ставящая пределы и табу претензиям и прерогативам «я». «Ты» должно проявить себя и быть прояснено не в меньшей мере, чем «я» для другого, чтобы диалог продолжался, обогащал друг друга. В противном случае в дело вступают посредники – власть, насилие, иерархия, деньги, превосходство и

подчинение. И личные отношения аннигилируют, переходят в функциональную систему, становятся частью мегамшины.

В феноменологии диалога дело, разумеется, не в догадках, не во внутренних чувствах и ориентациях, а в поступках, словах и жестах, адресованных или открытых другому, в демонстрации встречного сближения, в совместности, в конфликте-противостоянии-сомнении-солидарности, основанных на морали.

Освоение – удостоверение другого, выстраивание пути его доверия к тебе, подтверждение принципиального согласия, которое неразруσιμο, даже если конфликт ставит стороны в оппозицию друг к другу. Конфликты приходят и уходят, но фундамент взаимности остается, даже если стороны расходятся как посторонние. Посторонние, но не чужие, не чуждые существа. Цель освоения – сама социальность, традиция, глубина, воспроизводство культуры. Только из такой телеологии может на длинной дороге возникнуть взаимное опознание, дружелюбие или любовь. Но человек редко понимает цели своих действий и поступков. Чаще он живет ощупью, ступает наугад, порхает как мотылек у лампы, мечется между удовольствием и страданием, радостью и ужасом.

Полюса приватности и локальность

Давно замечено, что в современном городе два полюса приватности притягивают человека – дом и место работы, учебы. Дом полифункционален, место работы более специализировано. Но со времен советской организации жизни место работы для человека – второй дом, место дружеских связей и атмосферы, освоенное до мелочей, в котором ценятся отношения по горизонтали. Потому, что это отношения солидарности, теплоты и сравнительной близости, снятия дистанции. Коллеги, товарищи по работе, коллектив – это был особый ресурс выживания в самых трудных ситуациях, в самых щекотливых обстоятельствах индивидуальной судьбы. Рыночная конкуренция снижает статус места работы, но не уничтожает его совсем. Еще далеко до классовой солидарности, до идеологического облика трудовой связи человека и мегамшины. Но если сравнивать дом и место работы просто с локальной организацией жизни, последняя проигрывает интимной атмосфере приватности, которая бесценна для человека.

Локальная организация жизни не зависит от человека, она существует как групповой процесс, который просто предоставляет ему арену. Оглядываясь в свое прошлое, индивид обнаруживает, что его жизнь формировалась разными другими, в том числе теми, кто затерялся в прошлом. Институциональная организация большого общества формирует этапы биографии, хотя сам человек не всегда понимает, как это происходит. А между тем, в памяти остаются следы локальностей, в которых жизнь текла, бурлила, била ключом или «по голове». Воспоминания об этом до сих пор живы, их невозможно отбросить как «мелочи», потому что жизнь – материальный и социальный процесс, который часто оценивается, приобретает важность, значительность только «задним числом», запечатленным очарованием и загадкой памяти.

Почему люди ходят в театр, филармонию или в музей? Почему люди продолжают ходить в эти места, несмотря на фантастический прогресс технологий, позволяющих, например, сравнить все оттенки исполнительской техники на СД так, как это невозможно в условиях филармонического зала или конкурса исполнителей? Почему люди бродят бесцельно по улицам или по магазинам? Ответ очевиден – другие люди, они присутствуют, они тоже слушают и реагируют, другие люди это не только камертон вкуса, воодушевления и вдохновения. Это та стихия, в которой человек находит отклик своим чувствам и мыслям, где он живет вместе с другими. Индивидуализм герметичен, а нужно поделиться, разделить радость или грусть с собеседником, быть уверенным в этом.

Разумеется, в особых субкультурах посещение определенных мест, встречи с определенными людьми – это не личная прихоть или внутренний импульс, а императив обычая, давление статуса, формальный ритуал, светская, политическая, вообще говоря, функциональная обязанность, подсистема мегамшины. Другой очевидный вариант – престижное потребление. Это не требует пояснений.

С появлением мобильных телефонов и беспроводного доступа к компьютерным устройствам, системам и сетям преобразуются не только личные связи между людьми. Молодые взрослые и подростки выясняют отношения друг с другом и играют, играют, играют, - с помощью гаджетов, мобильного или компьютера. Деловые люди и профессионалы обретают другие просторы и горизонты (заметьте устарелость пространственных метафор) в своих делах и перспективах. Но при этом оказывается, что бизнес, учение, знание, политика, искусство – любые важнейшие виды человеческой деятельности - не возможны вне личных контактов, вне встреч лицом к лицу. Технология помогает или мешает человеку, она посредничает между людьми, но не может их заменить.

Локальность и повседневность

Мне уже приходилось писать об особых качествах повседневности в развитых странах (Голофаст, 2002). Ее культурный статус придавлен, принижен, обесценен господствующими иерархиями власти, статуса, сверхбольших денег, размещающих все важные социальные события в сакральном пространстве – ведомстве СМИ, в недостижимой высоте престижных мест или на непреодолимой дистанции между включенными и исключенными из социально значимых событий. Но означает ли такая конструкция повседневности, что всякая локальность обречена на опустошение, забвение, экологическую заброшенность и захламление? Отнюдь нет. В структуре ценностей обществ сверхпотребления выдающееся, доктринальное, стимульное место занимают *комфорт, достаток, достоинство, защищенность и значимость*. Эти ценности открыты всем, казалось. Впрочем, на пути их реализации имеются препятствия – требуются гарантии прав, безопасности, дохода и статуса. То есть, нужно быть *включенным*, чтобы иметь хотя бы потенциальный доступ к ним. И так, кроме перерабатываемых машинами СМИ общественно важных событий, должен существовать такой слой жизни, такая ее территория, где человек бы мог чувствовать всю полноту своей жизни и пользоваться на регулярной основе всеми благами современной цивилизации совместно с другими. И этот слой – повседневность, эта территория – локальность.

Может быть, дело в том, что именно в повседневности проносятся мысли и чувства, замирают сожаления и желания и зреют замыслы, порывы и стремления. И реализм повседневности не подавить никакой техникой. Здесь человек не только повторяет изо дня в день незаметно для себя все время меняющуюся свою жизнь, но и без конца пробует новое или пытается от него уклониться, избежать экспериментов с собой, опять таки не вполне сознавая это.

Кроме того, есть по крайней мере одна категория населения, для которой повседневность составляет весь круг жизни, - в его пределах осуществляется открытие мира и его освоение, испытание себя и преодоление других. В этом круге жизни укоренены все их мечты и страдания. Эта категория – дети. И как известно, мир детства не существует без своего мифического дополнения – сказки. Области воображаемого и фантазии. Идеального и таинственного, в которую проектируется основная ценность – будущее, «когда я вырасту». Другие категории, центрированные на повседневности – подростки, пожилые люди, инвалиды и больные, - все те, кто еще не имеет или теряет свои социальные возможности.

Если согласиться с подобными общими оценками повседневности, становятся более понятны многие другие выводы теоретиков «постсовременности». Так, З. Бауман (Бауман, 2002) обращает внимание на странную двойственность положения элитных кругов: они чрезвычайно мобильны территориально, оснащены всеми средствами деятельности в глобальных контекстах, освобождены от ответственности за последствия своей деятельности в пространстве своей активности и одновременно выстраивают себе эксклюзивные пространства, непроницаемые и закрытые для постороннего внимания и воздействия.

Другая судьба ждет в условиях мегагородов обычного человека. Традиционная организация локальной жизни разрушена, растворена, со всех сторон он натывается на административные и институциональные барьеры и границы, человек чувствует себя одиноким, заброшенным и неприкаянным. И наряду с этим обречен на пребывание в неустроенной локальности, не может ни преодолеть ее хаос, ни выскочить из круга обыденного существования ни в одиночку, ни групповыми усилиями. «Взрослые дети» выталкиваются в мир воображаемого, ложного жизнеустройства, где им оказываются доступны только ограниченные возможности удовольствий реального или виртуального потребления, симулированного «участия» в жизни «большого общества».

Даже самая «сильная» форма «социальной самореализации» человека – его занятость, профессиональная жизнь – оказывается под угрозой. Неустойчивость и гибкость коммерческих систем подрывает глубину перспективы в этом секторе индивидуальной жизни, фрагментирует ее, подрывает тем самым ее ценность для человека как поле долговременных замыслов, стремлений, проектов и стратегий. Психологически есть только один выход – дистанцироваться от этого сектора, снизить его значение в круге жизни. Функциональное отчуждение психологически травмирует людей.

Для многих социальных категорий оказываются недоступны другие горизонты жизни, кроме повседневности. Монотонность и малозначимость событий начинает угнетать человека, чувство реальности притупляется, интерес замирает. Нужны сильные внешние толчки, чтобы вывести человека из надоевшего состояния. «Взрослым детям» явно требуется социальная помощь. Между тем, подогреваемые коммерческим давлением и социальной дезориентацией, современного человека со всех сторон осаждают ловушки архаических решений – мифов, суеверий, новых религий, паранаучных манипуляций и давно отживших технологий.

В этом контексте можно рассмотреть такие проявления жизни человека, как образование и работу, потребление и развлечения, сексуальное развитие и отношения, любовь, брак и гендер, родителей и детей, здоровье и болезнь, рождение и смерть, – короче, все витальные проявления. Это значит, что изменения проникают в самую глубину ткани человеческого существования. (См., например, Бауман, 2002).

Вначале молодежь, а затем прочие члены общества отходят от ориентаций на господствующие институты, учреждения государства, бизнеса, коммерческих систем и вовлекающих агентств политики – партий, движений и прочих «приводных ремней» власти. Повседневность активных членов общества организуется в виде более или менее устойчивых *тусовок*, которые некоторые авторы (Maffesoli, 1991; Фурс, 2002, с.36-40) сравнивают с «*трибами*» прошлых эпох или с мигрирующими стаями, рыхло организованными виртуальными (с помощью мобильного телефона и интернета) или реальными малыми сообществами современных мегагородов. Однажды мы их назвали «плавающими сетями», а некоторые (например, Михаил Донской) называют их «облаками».

В каждом таком сообществе можно выделить центр и периферию, более или менее устойчивых и относительно случайных временных членов, вся деятельность которых завязана на общение, *освоение* окружения, совместное существование,

взаимопонимание, инициативу и поддержку. Их отношение к окружающим институтам имеет значение, но используется в качестве фона, чрезвычайного ресурса или только символического признака, который позволяет ориентироваться другим. Но в качестве правила, на передний план выступают индивидуальные чувства и способности, инициатива и отклик, взаимное опознание или опыт, добровольность и умеренное бескорыстие как основа всех отношений. *Перспектива*, которая волнует членов подобных объединений, это возможность открытия и укрепления личных отношений, их поддержания и возобновления за пределами ситуации «здесь и теперь», вхождение в устойчивые сети и связи, где можно сохранить себя, где тебя будут устойчиво опознавать, где к тебе будут относиться как к особой единице, к особе, к уникальности, индивидуальности.

По принципу *дистанциации* отношений (их независимости от контекста пространства-времени) теперь строятся не только личные отношения, но и многие общественные инициативы, даже глобальные, а тем более многие профессиональные связи, светские или коммерческие доверительные отношения. Эти, проникнутые личным элементом, интересом или признанием, связи противопоставляются анонимности, безразличию и техницизму административно-бюрократических иерархий. В последних личный элемент или незаконен, или просто утрачен, его нужно всякий раз завоевывать или покупать заново, не говоря уже о том, что гарантии давления или цены непрочны, двусмысленны и чреватые неопределенностью и риском.

Безличности, равнодушия, голой функциональности и так хватает в окружающей общественной среде. Идет ли речь о контакте частного лица с общественным институтом или о регулярном или случайном собрании многих лиц под их эгидой – эффект, как правило, один и тот же. Любые общественные ритуалы и церемонии превратились в тягостное отбывание повинности, на них солируют представители власти или «официальные фигуры», неудержимый формализм и пустота таких собраний, их предсказуемая конечность и выхолощенность оставляет чувство глубокой душевной пустоты у всех участников. И никакие перспективы в этом чуждом повседневности социальном хаосе по большому счету не интересуют людей. С ним люди вынуждены взаимодействовать, но это акты технические, конечные, без развития, без продолжения, кроме разве тех случаев (как правило, чреватых трагедией или по крайней мере неприятностями), когда мегамшины втягивают в себя человека как очередную новую жертву. И грозят изувечить или превратить в ресурс.

Даже в умеренно сносных условиях уделом «человека-клиента» становятся томительное ожидание, скука, раздражение, злость или ярость. Хотя, как известно, «клиент всегда прав» и его уделом *должны быть* удовольствие и счастье. Остаться только техническим клиентом мегамшины, раз уж пришлось обращаться к ней, – вот основная установка экзистенциальной безопасности, разумности, «рациональности». Выйдя из всякого технического акта, человек нередко говорит себе «ух, пронесло», он даже готов поклясться, что никогда больше не будет его повторять. Но, конечно, это случается снова и снова. Вот почему человек стремится найти убежище в трибах.

Спектр тусовок, трибов чрезвычайно широк: от дружеских пирушек до более или менее спонтанных массовых собраний, концентраций, шествий и даже демонстраций. И, разумеется, можно наблюдать масштабные классовые или статусные вариации. Коллективная повседневность низших слоев относительно бедна и близка к формам традиционных образований и времяпрепровождений. Более или менее состоятельные слои («средние») оформляют свое участие вполне целенаправленно, опираясь на значительные ресурсы и ценности, они стремятся придать коллективной жизни глубину, богатство и сохранение (а не разрушение) многозначности и культурного смысла.

Личные отношения в сходных сообществах в прошлом обычно назывались *знакомствами, приятельством, дружбой*. Но дружба была подростковым или мужским – женским союзом, сопоставимым с другими традиционными формами отношений – браком, любовной парой, расширенной семьей, знакомыми и коллегами, соседями или родственниками. Теперь все эти традиционные формы отношений в мегагородах почти унифицировались, гомогенизация и охлаждение отношений уничтожили, стерли или предельно ослабили все традиционные и когда-то столь важные оттенки заложенных в них институционализированных чувств, содержаний и перспектив. Теперь сами люди переопределяют столетние традиции, но усилия каждого должны поддерживаться другими, чтобы успех распространялся на всех участников. А это и есть содержательная характеристика новых трибов.

Патологические формы повседневности.

Сегодня тусовки, трибы не всегда нейтральны, они не только воодушевляют человека или дают ему пространство свободной игры индивидуальности, чувство общности.

На первый взгляд по принципам тусовок функционируют сегодняшние секты, криминальные сообщества и другие теньевые образования. Было время, их пытались интерпретировать в терминах клубной самоорганизации. Различие состоит в закрытости подобных форм, в их привязке к территории или локальности, в исходной функциональности, в борьбе за внутреннюю иерархию и за лидерство.

Современные трибы снимают все эти ограничения, они полуоткрыты, транслокальны, синтетичны по интересам и избегают любой жестко заданной эволюции формы, они исходно анархичны, не признают никакой, ни символической, ни реальной власти. Реакция ухода, выпадения является универсальным механизмом, предохраняющим трибы от вырождения.

Другой ложной формой, которую легко принять за трибы, являются коммерчески или политически организованные мероприятия. В них тоже наблюдается иногда интенсивное общение, брожение, воодушевление. Это значит, что такие мероприятия могут использоваться трибами в своих целях, но как только вырисовывается любая угроза их самостоятельности, трибы в таких мероприятиях немедленно исчезают, растворяются, испаряются и перемещаются в другую обстановку.

Утрата перспектив в «большой социальности», равнодушие и незаинтересованность в ней значительных групп активных членов общества, перенос центра тяжести индивидуальной и коллективной жизни в трибы ведет к очень странному состоянию социальности. Вряд ли это состояние может быть исторически долговременным и устойчивым. Куда же повернет социальная эволюция дальше?

Совершенно ясно, что трибы довольствуются «малым» духовным содержанием, а именно тем, что составляет текущие духовные запросы обычных активных людей. Именно в силу «малости» они рискуют соскользнуть в формы предельных стремлений (секты) или в эксперименты с предельными жизненными состояниями (преступность, наркотики, рискованные жизненные авантюры, архаические учения и идеологии). Удержать людей в зоне «нормальности» могут только «большие» исторические традиции, социетально проверенные жизненные ценности. Но именно они сегодня не вызывают у людей доверия, именно их монополизировали силы «большого общества» и превратили в гигантскую машину манипуляции людскими массами и потоками. Такова дилемма постсовременных обществ.

Новые племена, разумеется, никуда не кочуют. Идея триба – это попытка описать отсутствие внешне заданной формы, текучесть самоорганизации в сложном обществе, которую легко принять за имманентную неустойчивость и эфемерность, случайность и незначительность. Между тем это впечатление было бы ошибочным.

Трибы характерны сегодня для ситуации больших городов, там, где людям все время приходится уклоняться от воздействия социальных мегамашин, стоящих в основе, в базисе и на страже макропорядков общества.

Иной ситуация выглядит в небольших сообществах или в этнических общностях культурных меньшинств, сохраняющих внесемейные традиционные институты. В них традиционные иерархии и инстанции власти не могут также легко игнорироваться или релятивизироваться как современные бюрократические институты в мегагородах. Более того, современный манипулируемый традиционализм («изобретение традиций») обостряет борьбу за место в иерархиях, использует в этой борьбе угрозу социальной изоляции (остракизма, бойкота, в отличие от городского или бюрократического безразличия) или прямое применение силы. На силу или традиционную власть так или иначе приходится опираться и при любой попытке коллективной самоорганизации меньшинств. Так этнические неотрадиционалистские образования становятся питательной средой криминала и даже терроризма. Опираясь на достижения современных технологий (панорама потребления открыта всем!), но расходясь с современными макроинститутами в целях, средствах, принципах и нормах, или прямо противостоя им, криминальные и террористические команды становятся экстремальными патологическими формами нового трибализма.

Перспективы

Глобализация подорвала всевластие (суверенитет) больших территориальных институтов, прежде всего, государства, но также релятивизировала давление всех прочих групп и учреждений на индивида, будь они основаны на внешних или внутренних признаках, статусах, идеологиях, интересах или чертах. С одной стороны, индивид может приобрести моральную автономию, компетентность и достоинство и вступить в диалог о признании, с другой, он все острее переживает отчуждение, бессилие и несправедливость. Под воздействием кризиса формальных институтов и принудительной индивидуализации жизни индивид теряет поддержку и доверие или уверенность в традиционных малых институтах социальности (семья, брак, родительство, дружба, группа ровесников или коллег). Деформации, искривлению, утрате чувства иерархичности и устойчивой символической значимости подвергаются все виды социальных отношений.

В открытых, пересекающихся, многослойных, конфликтных культурных нарративах он распознает свои способности и возможности. Но оценить реалистичность претензий и желаний, границы долга и права можно только в прямом диалоге с другими. Локальность – исходная и конечная область социального, где жизненный процесс реализуется в синтезе. Жесткие, фиксированные формы социальности должны отныне приспосабливаться к изменению внешних и внутренних условий, технологий и требований (Бенхабиб, 2003). Мягкие, плавающие сети, движения, тусовки и трибы опираются на мораль, пытаясь удержать гармонию, нормальность и достоинство жизни, несмотря на отчуждение, угрозы ее течению со стороны технологий, бюрократий, манипуляций, загрязнений и опустошающего безразличия. Остается открытым вопрос, эволюционируют ли разные стороны социальности в одном направлении, совместимы ли они.

Литература:

- Голофаст В.Б. Глобальное и локальное как контексты и контрасты // *Телескоп*, №1, 2002.
Бузский М.П. Субъектная основа бытия и регулирования общества. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2002.
Бауман З. Индивидуализированное общество. М., «Логос», 2002.

Бек У. Что такое глобализация? М., 2002.

Бек У. Космополитическое общество и его враги. // Журнал социологии и социальной антропологии, №1, 2003, с.24-53.

Бенхабиб, Сейла. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., «Логос», 2003.

Дюркгейм Э. Несколько замечаний о профессиональных группах. Предисловие ко второму изданию «О разделении общественного труда», М., 1991.

Голофаст В.Б. Гибридизация и культурные смеси // *Телескоп*, №3, 2003

Голофаст В.Б. Повседневность в социокультурных изменениях. Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002, №1, с. 67-74.

Макинтайр, Аласдер. После добродетели. М., Екатеринбург, Деловая книга, 2000.

Adler, Mortimer J. Desires right and wrong. The ethics of enough. N.Y. Macmillan, 1991.

Wirth Louis. Urbanism as a way of life // *The American journal of sociology*, 1938, vol.44, №1.

Голофаст В.Б. Реальность социального (Эманюель Левинас против онтологизма) // *Журнал социологии и социальной антропологии*, №4, 2002, с.200-207.

Международный журнал социальных наук. Общество знания. №38-39, Август-Ноябрь 2002.

Фурс В.Н. Радикальная социальная теория Жана Бодрийяра // *Социологический журнал*, №1, 2002, с.5-40.

Хан Алоис. Идентичность и нация в Европе. Современная немецкая социология: 90-е гг. Под ред. В.В.Козловского, Э.Ланге, Х.Харбаха. СПб.: Социологическое общество им. М.М.Ковалевского, 2002, с.268-311.

Виллемс Херберт. Рамки, габитус и дискурс: к сравнению социологических концепций практики и смысла. Там же, с. 165-192.

Maffesoli M. Le temps des tribus. Paris: Le Livre de Poche, 1991.

Elias N., Scotson J.L. The established and the outsiders: a sociological enquiry into community problems. London: Sage publications, 1965 (2nd ed.1994).